

Михаил Васильевич Демури –
публицист, чрезвычайный и полномочный
посланник II класса

Вперед, к Данилевскому и Страхову!

Об основополагающем изъяне современной внешней политики России

В действующей Концепции внешней политики нашей страны о ее участии в деятельности «Группы двадцати», как и «Группы восьми» и других международных многосторонних объединений подобного рода (БРИКС, ШОС, РИК), сказано коротко: оно мотивируется заинтересованностью в обеспечении устойчивой управляемости мирового развития, которая требует коллективного лидерства ведущих государств мира. Это лидерство, говорится далее, должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношении и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН. Констатация емкая, но ей вопрос о содержании деятельности России в «Группе двадцати» в силу ее географического охвата и обсуждаемого на ее встречах круга

проблем, связанных с поиском ответов на самый широкий спектр вызовов современности, конечно же, не исчерпывается. Так или иначе к нему имеют отношение все разделы Концепции, но мы сосредоточимся преимущественно на первых двух – тех, в которых изложены политико-философские, мировоззренческие основания международной деятельности России в качестве одной из стран, реально влияющих на ситуацию в мире и будущее человечества. И вот почему. Сотрудникам МИДа России присуща известная способность, и рассматриваемый документ тому еще одно подтверждение, четко и правильно прописывать в бумагах подобного рода, что и как наша страна должна делать для защиты своих интересов на конкретных географических и проблемно-тематических направлениях. Загвоздка, одна-

ко, в том, что в определенных ситуациях эти правильные слова где-то растворяются, а конкретные внешнеполитические действия руководства России вызывают, как минимум, непонимание. Так было и остается в случае с Прибалтикой — оселком для проверки способности современного руководства России адекватно реагировать на комплекс вызовов в Европе и на пространстве бывшего СССР, где мы не можем остановить надругательство над нашей исторической памятью, ликвидировать военно-политические и экономические угрозы и добиться реального решения многочисленных проблем соотечественников. Так было в случае с Ливией, где мы попустительствовали ликвидации дружественного режима и одной из опор, препятствовавших скатыванию североафриканского и ближневосточного регионов в хаос. Так остается в случае с Украиной и, к сожалению, в целом ряде других важных для обеспечения безопасности нашей страны ситуаций. Значит, проблема не в том, *как* внешнеполитические подходы и установки прописаны на бумаге, а в том, *на основе каких принципов действуют* те, которые принимают решения в конкретных случаях, какова их шкала ценностей. Ну и, конечно, дело в мировоззренческих установках самих работников внешнеполитической сферы.

Разговор о политико-философских основаниях международной деятельности России в привязке к формату многосторонних институтов стоит начать с того, что в Концепции внешней политики РФ в редакции 1997 года участие в «восьмерке» (тогда «двадцатки», как известно, еще не существовало) трактовалось как «одно из существенных средств отстаивания и продвижения внешнеполитичес-

Президент Путин назвал основными принципами современной внешней политики России «открытость, предсказуемость, прагматизм» и лишь после них – «нацеленность на отстаивание национальных интересов». Более того, глава государства специально подчеркнул, что отстаивать свои национальные интересы наша страна будет, «безусловно, без всякой конфронтации».

ких интересов» нашей страны. На самом же деле ситуация имела, скорее, противоположный характер: плюсы, которые Россия, будучи принятой в «восьмерку», получала от «прибавки в статусе», в значительной мере перекрывались немалой политической ценой, которую руководство России 1990-х годов вынуждено было платить, чтобы сохранять себя в этом «клубе избранных».

В 2000-х годах ельцинско-козыревский взгляд на место и роль России в международных делах с его погоней за признанием в качестве части так называемого цивилизованного мира и надеждой на усиление за этот счет внешнеполитических позиций страны начал постепенно изживать себя. Подтверждением этого стала, в частности, активная роль России в формировании «Группы двадцати» и других упомянутых выше многосторонних объединений. Процесс высвобождения из плена западочентричного взгляда на мировую политику, однако,

идет медленно и мучительно, и многое, в том числе и текст «обновленной» внешнеполитической Концепции, говорит о том, что обретение нашей страной самостоятельной внешнеполитической субъектности потребует еще многих и серьезных усилий. На заседании Совета безопасности 15 февраля сего года, где шел разговор о Концепции, президент Путин в первых же словах своего выступления отметил, что основными принципами современной внешней политики России остаются «открытость, предсказуемость, прагматизм» и лишь после них — «нацеленность на отстаивание национальных интересов». Более того, глава государства специально подчеркнул, что отстаивать свои национальные интересы наша страна будет, «безусловно, без всякой конфронтации». Из этих трех «столпов» два первых — открытость и предсказуемость — имеют, по крайней мере, какие-то положительные стороны и, главное, боль-

шинством политиков и экспертов расцениваются скорее как дань современному словоблудливому международному жаргону, чем как собственно содержательные понятия. Другое дело — концепт прагматизма: он не просто однозначно вредоносен, но и глубоко укоренился в современной российской политической и экспертной среде. Поэтому следует обратить на него особое внимание.

По толковому словарю русского языка Ожегова—Шведовой, прагматизм — это: «1. Направление в философии, отрицающее необходимость познания объективных законов действительности и признающее истиной лишь то, что дает практически полезные результаты. 2. В исторической науке: направление, ограничивающееся описанием событий в их внешней связи и последовательности без раскрытия закономерностей их развития». Что же касается современной русской политологии и журналистики, то в них слово «прагматизм» чаще всего поверхностно трактуется в духе времени как «достаточно адекватная идеологическая установка» или как «идеологическая установка на реализацию наличных социально-политических ценностей, на практический успех, на положительный результат». Вчитаемся, однако, в соответствующую статью словаря «Политология» Валерия Коновалова 2010 года, и мы вынуждены будем согласиться с констатацией «ограниченности прагматизма» и заложенного в нем «противоречия между частным и общим результатом действий», вследствие которого «сиюминутный успех зачастую приводит к противоположным последствиям в общем политическом процессе».

Действительно, вряд ли кто-то — во всяком случае, в публич-

ной дискуссии — будет спорить с тем, что положительное решение проблем, которые встают перед страной в непрерывно меняющемся мире, должно приносить объективное благо или, как минимум, объективную пользу, то есть благо и пользу не кому-то в частности, а стране и народу в целом. Но имеется ли в сегодняшней России общее — и для бизнеса, и для государства, и для «общества» (беру это слово в кавычки, поскольку общего в российском социуме сегодня явно недостаточно для того, чтобы он назывался обществом), и для простых людей — понимание блага и пользы? Как мне представляется, его еще предстоит сформировать. Спустимся на ступень ниже, на уровень собственно задач российской внешней политики и российской дипломатии, но и здесь мы не найдем общенационального согласия по их поводу. В этих условиях прагматизм легко превращается в беспринципность или в метод достижения частичной пользы, частной, корпоративной выгоды. Примеров навязывания нам такого подхода в последние годы мы встречали немало, но некоторые из них особенно примечательны. Это в первую очередь февральские 2008 года призывы Алексея Кудрина и Анатолия Чубайса «уточнить» ориентиры внешней политики страны во имя «обеспечения стабильного роста» и, в частности, «не спорить» вокруг нарушавшей суверенитет России деятельности в нашей стране Британского совета, поскольку это нам «не по карману». Их тогда не послушались и ввели присутствие Британского совета в России в подобающие рамки. Хуже наши отношения с Великобританией от этого не стали — скорее, наоборот. Не стала летальной для наших отношений с США

и другими натовцами и «непрагматичная» защита Россией ее национальных интересов в конфликте с Грузией в августе 2008 года. Тем не менее — теперь уже в послании Дмитрия Медведева Федеральному Собранию в 2009 году — вновь последовала установка на то, чтобы оценивать внешнюю политику исключительно с точки зрения того, «способствует ли она улучшению жизненных стандартов». Здесь уже было рукой подать до «прагматичной» сдачи Западу Ливии и ее лидера Каддафи в 2011 году и многого другого, чем были отмечены во внешней и внутренней политике России 2008–2012 годы.

Возникает естественный вопрос: зачем нужны разговоры о прагматизме Владимиру Путину? Зачем они нужны ему именно сейчас, когда страна начала, наконец, нащупывать отвечающую ее историческим и культурным корням систему идей, в которых осознавалось бы и оценивалось бы отношение людей к высшим понятиям и ценностям, к действительности, друг к другу, содержались бы одобренные общенациональным консенсусом цели культурной, социальной, экономической, политической и другой общественно полезной деятельности, то есть то, что называется идеологией? Зачем это нужно сейчас, когда растет понимание последствий идеологической агрессии, объектом которой Россия является уже не первое десятилетие и благоприятную среду для которой создает в том числе и навязывание нам концепта прагматизма?

Выступая год тому назад в Краснодаре, президент России подчеркнул: «Как показывает в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды — это сфера жесткой конкуренции, порой

объект открытого информационного противоборства <...> хорошо срежиссированной пропагандистской атаки. <...> Это, как минимум, одна из форм конкурентной борьбы. Попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий — это абсолютная реальность, так же как борьба за минеральные ресурсы». В качестве «прочного фундамента» для построения здорового общества и благополучной страны Владимир Путин предлагает идеологию патриотизма (хотя слово «идеология» им не произносится). Но разве можно сомневаться, что в условиях международного информационного противоборства и конкурентной борьбы вокруг ценностей и понятий с целью подчинить другие народы своей воле прочный мировоззренческий фундамент должен присутствовать и в сфере политики внешней? Тем более в условиях, когда внешнеполитическая деятельность и США, и Европейского союза, и Китая, и многих других стран из числа «Группы двадцати», а также наших соседей по пространству исторической России дает возрастающее число свидетельств того, что строится она именно на идеологической основе.

К сожалению, в нашем случае — по крайней мере, до последнего времени — в этом не только сомневались, но категорически настаивали на обратном. В январе 2008 года в одном из своих выступлений министр иностранных дел Сергей Лавров определил ситуацию так: «У нас нет во внешней политике никакой идеологии», — предоставив экспертам самим решать, во имя чьих идей Россия несет «возросшую ответственность в мировых делах». Вплоть до настоящего момента никаких

Имеется ли в сегодняшней России общее — и для бизнеса, и для государства, и для «общества», и для простых людей — понимание блага и пользы? Его еще предстоит сформировать. В этих условиях прагматизм легко превращается в беспринципность или в метод достижения частичной пользы, частной, корпоративной выгоды.

корректировок такой позиции на официальном уровне не было сделано.

Поэтому с особым интересом при чтении «обновленной» Концепции внешней политики России глаз цепляется за тезисы о повышении значи-

мости «культурно-цивилизационного измерения конкуренции в мире» и о важности использования во внешнеполитической работе «мягкой силы». Хочется понять, является ли констатация готовности реагировать на цивили-

лизационный вызов прикрытием намерения оставаться в рамках либерально-западнических политических и мировоззренческих установок или наоборот «политкорректная» внешнеполитическая риторика служит завесой для начавшегося возвращения России к действительной идеологической самостоятельности в концептуальном взгляде на себя и на мир и в практических внутренних и международных делах.

Ясность на этот счет появляется уже при чтении первого раздела Концепции, в котором излагаются основные цели современной внешней политики России. Сформулированы они, правда, довольно непрофессионально для документа такого рода: авторы смешали в одну кучу и цели действительно принципиального значения, и задачи на пути к их достижению, и способы, методы, инструменты решения этих задач.

Обеспечение безопасности страны, упрочение ее суверенитета, территориальной целостности и должных позиций в мировом сообществе, создание благоприятных внешних условий для ее развития, укрепление мира, всеобщей безопасности и стабильности, утверждение справедливой международной системы — все это очевидные для внешней политики нашей страны цели, и правомерность их присутствия на приоритетных позициях в изложенном в Концепции перечне сомнений не вызывает. Далее, однако, начинаются вопросы. Да, для обеспечения безопасности России и достойных позиций нашей страны в мире желательными факторами являются верховенство международного права и наличие равноправных и партнерских отношений с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, между-

народными организациями и форумами. Но если на деле перечисленное в той или иной мере отсутствует, а это сегодня вынуждены констатировать даже самые благодушные из внешнеполитических экспертов и проявляющих себя на внешнеполитической ниве политиков, то заявленная цель — безопасность страны — должна достигаться не благими пожеланиями, а другими средствами, диктуемыми реальными обстоятельствами. Нужно ли нам, скажем, равноправное партнерство с таким объединением, как ГУАМ? Или с таким государством, как Косово? Реальная жизнь говорит о том, что не все государства достойны признания в качестве равноправного партнера. Не стоит также стратегически ангажироваться, всегда и со всеми проявлять в отношениях, как того требует Концепция, транспарентность, предсказуемость и неконфронтационность. Тем более в отстаивании национальных приоритетов.

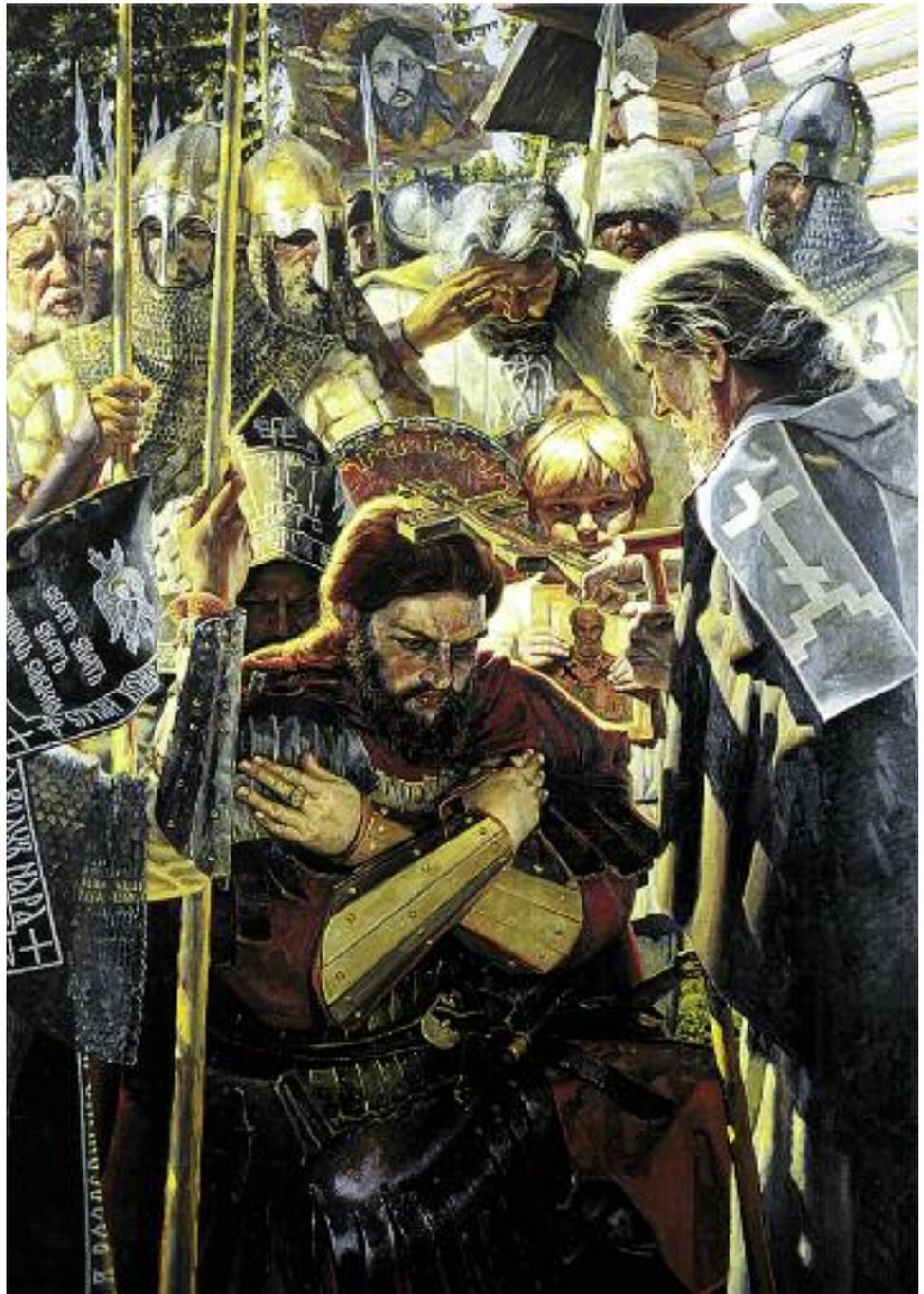
Не может являться самоцелью и формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами — хотя бы в силу того, что сами эти государства могут не желать быть нам добрыми соседями. Некоторые из них, кстати говоря, и сегодня если не заявляют такую свою позицию, то осуществляют ее на практике. И реагировать на это надо не констатацией своей нацеленности на добрососедство, а конкретными мерами, способными отбить желание причинять вред нашей стране. То же самое касается и содействия устранению имеющихся и предотвращению возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах: это лишь способ обеспечения безопасности, но никак не цель политики в принципе.

Далее в этом разделе Концепции мы вновь встречаемся с тем, что явно относится не к целям внешней политики, а лишь к способам их достижения, инструментам, используемым для этого. Я имею в виду «развертывание недискриминационного международного сотрудничества», «содействие становлению гибких внеблоковых сетевых альянсов и участие в них», «недопущение дискриминации российских товаров, услуг и инвестиций, использование для этого возможностей международных и региональных экономических и финансовых организаций», «отстаивание в различных международных форматах российских подходов по теме защиты прав человека». При всем уважении не тянут на уровень целей и такие важные направления внешнеполитической работы, как распространение и укрепление позиций русского языка в мире, «популяризация» культурных достижений народов России, консолидация русской диаспоры за рубежом. Все это — инструменты достижения одной принципиальной цели: обеспечения достойного положения России в современном мире как самобытного культурно-исторического типа, самостоятельной цивилизации.

В то же время именно как дело особой важности, требующее подключения всех необходимых рычагов — политических, экономических и, если потребуется, военных, — должна рассматриваться заявленная в перечне целей защита прав и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом. К сожалению, в рассматриваемом документе она стоит по очередности на несколько ступеней ниже такой банальной задачи, как «дипломатическое сопровождение интересов отечествен-

ных экономических операторов». Наверное, это прагматично.

Под углом зрения деятельности России в многосторонних международных институтах, включая «Группу двадцати», отдельного рассмотрения заслуживает то, как в Концепции трактуются основные противоречия современного мира, его ключевой конфликт. Да, сегодня мы, как отмечается в документе, являемся свидетелями «глубинных сдвигов в геополитическом ландшафте», последствий глобального финансово-экономического кризиса, формирования «полицентричной международной системы», «повышения турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях», усложнения современных международных отношений. Да, возможности исторического Запада доминировать сокращаются, а мировой потенциал силы и развития смещается на Восток. Да, в международных отношениях нарастает нестабильность. Все это, однако, как и большинство других черт современной международной жизни, описанных в главе «Современный мир и внешняя политика Российской Федерации», – то, что лежит на поверхности и служит производным от более фундаментальных процессов. А там, в основании, мы видим конфликт между структурами мирового управления, стремящимися окончательно подавить национальную самобытность народов и независимость государств, навязать им единую тоталитарную систему «демократического» порядка на общественно-политическом уровне и такой же единый примитивный стандарт потребительского отношения к жизни и окружающему миру на уровне культурно-антропологическом, с одной сто-

Игорь Сушенок. Не уступим земли Русской! 2001 год

Для обеспечения безопасности России и достойных позиций нашей страны в мире желательными факторами являются верховенство международного права и наличие равноправных и партнерских отношений с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями и форумами. Но если на деле перечисленное в той или иной мере отсутствует, то заявленная цель – безопасность страны – должна достигаться не благими пожеланиями, а другими средствами, диктуемыми реальными обстоятельствами.

роны, и противодействующими им субъектами мирового развития, не потерявшими еще свою историческую па-

мять и самосознание и борющимися за сохранение своей суверенности, с другой стороны. Что же касается социаль-

Основным противоречием современного мира является конфликт между структурами мирового управления, стремящимися окончательно подавить национальную самобытность народов и независимость государств, навязать им единую тоталитарную систему «демократического» порядка на общественно-политическом уровне и такой же единый примитивный стандарт потребительского отношения к жизни и окружающему миру на уровне культурно-антропологическом, с одной стороны, и противодействующими им субъектами мирового развития, не потерявшими еще свою историческую память и самосознание и борющимися за сохранение своей суверенности, с другой стороны.

но-экономической стороны этого конфликта, то здесь мы наблюдаем столкновение сил мировой паразитической олигархии и субъектов созидательного, творческого труда, к которым в значительной мере принадлежит национальный производственный капитал. Другими словами, идет борьба между силами разрушения и силами созидания или, по крайней мере, удерживания мира от падения в пропасть. Первые пока преобладают, и

они поставили нашу планету на грань экономической, военно-политической и культурной (как в общественном, так и в индивидуальном человеческом смыслах) катастрофы. Рассчитывать в этих условиях, как это делают авторы Концепции, на то, что силы разрушения, выступающие в роли современных каинов, вспомнят об «общем духовно-нравственном знаменателе, который всегда существовал у основных мировых рели-

гий», и будут действовать исходя из принципов «стремления к миру и справедливости, достоинства, свободы и ответственности, честности, милосердия и трудолюбия», явно не приходится. Соответственно констатированное в документе «осознание Россией своей особой ответственности за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне» требует не просто участия в исправлении недостатков существующей системы мировых взаимоотношений, не просто исполнения роли «уравновешивающего фактора в международных делах и в развитии мировой цивилизации», а ясного и последовательного занятия позиции противодействия планам глобализаторов и лидерства в деле возвращения миру культурно-исторического многообразия, которым наделил его Создатель.

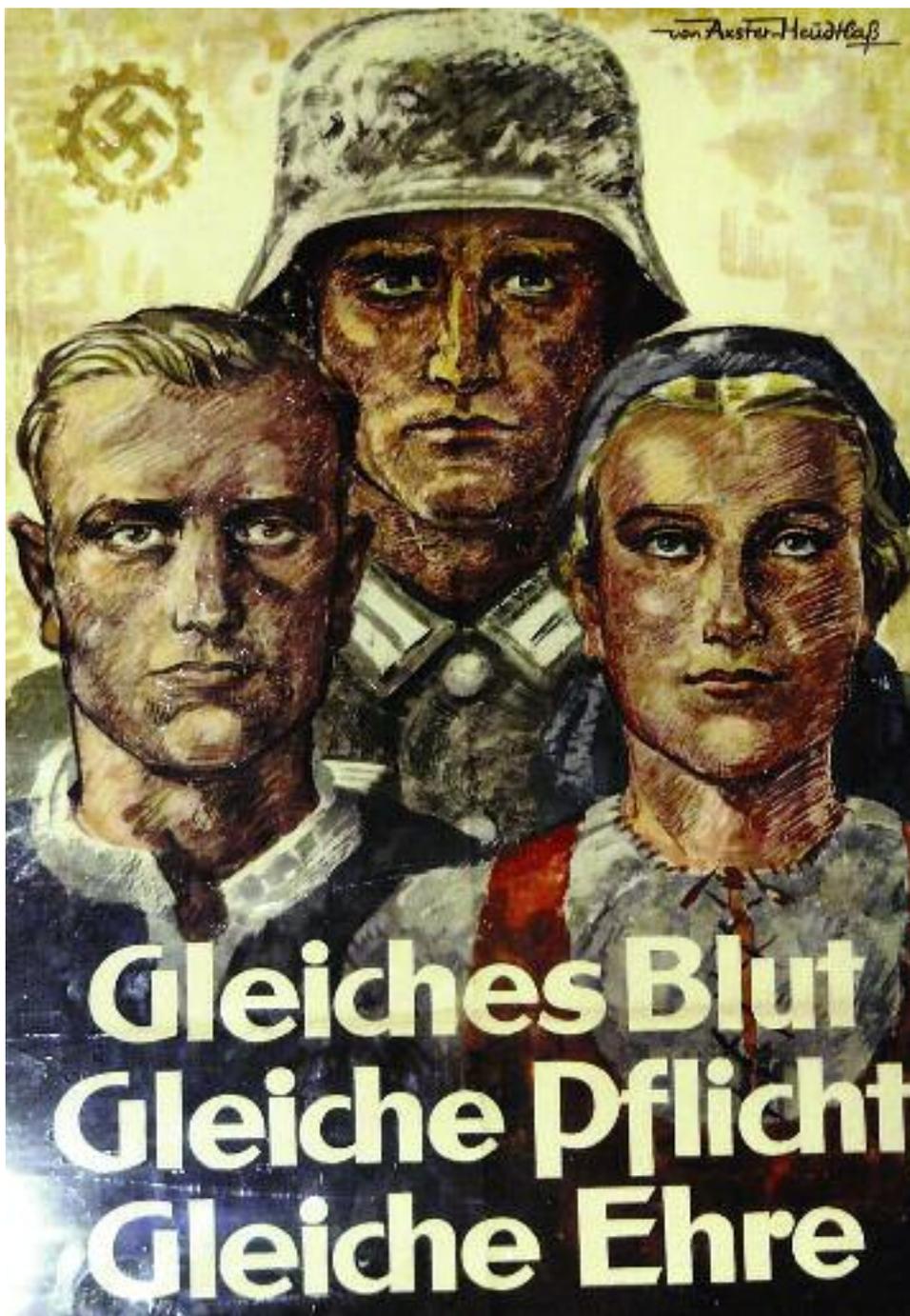
Это будет уже в полном смысле слова противоположный либерально-западному образ будущего планеты. Создать и воплотить его мы сможем, только глубоко проникнувшись своей традицией. Но сам труд создания такого образа послужит катализатором возвращения в отчий дом с желанием бережно восстановить разбитое, очистить пыль с забытого, добавить к ним такое новое, по поводу которого мы будем уверены, что, глядя на него, порадуются не только самые достойные из наших предков, но и сам Бог. Традиция же органично положит в основу нашего образа будущего вектор осуществления справедливости, которую так ждут сегодня и народы России, и все те в мире, которые уже прочувствовали угрозу основам своего бытия, исходящую от существующего порядка вещей.

Такое лидерство требует глубокого понимания сложнейшей проблемы диалога и партнерства между цивилизациями. В рассматриваемой Концепции эта тема развита несколько более детально, чем в аналогичном документе пятилетней давности, однако предложенные решения и формулировки все еще далеки от того, чтобы их можно было признать адекватными. Межцивилизационный диалог и сотрудничество — дело важное, но включение их в перечень внешнеполитических целей отвлекает внимание от главного: необходимости обеспечить безопасность и благополучие народа и страны, их культурно-историческую самобытность. Если диалог используется для предотвращения столкновения цивилизаций — это нормально, но главное, что предотвращает втягивание той или иной цивилизации в межцивилизационный конфликт или, во всяком случае, гарантирует, что этот кон-

фликт не будет для нее смертельным, — не диалог, а ее собственная сила и прочность. Соответственно, если космополитично настроенные радетели за такой «диалог» используют его не для взаимного обогащения, а для разрушения нашей культурно-исторической самобытности, как это преимущественно делается в последние десятилетия, то это надо понимать и этому следует противодействовать. Вообще, надо сказать, что понимание того, о чем еще в XIX веке писали Николай Данилевский в книге «Россия и Европа» и Николай Страхов в «Борьбе с Западом» и что полностью сохраняет свою актуальность сегодня, у авторов Концепции если и присутствует, то очень слабо. В документе, например, отмечается возрастание значения фактора цивилизационной самобытности в современном мире (авторы зачем-то называют ее на английский манер идентичностью, хотя первым значением этого слова в русском языке является вовсе не самобытность, а тождественность, одинаковость). Это так, но если те, которые писали и утверждали Концепцию, действительно так считают, то, видимо, в число приоритетных целей внешней политики Российского государства, причем в верхних строках такого списка, должна быть включена защита культурно-исторической самобытности России. В документе, однако, мы читаем, что внешняя политика призвана создавать благоприятные внешние условия для чего угодно, включая технологическую модернизацию, инновационный путь развития и укрепление правового государства, но не для сохранения русской культуры, культур других народов России, их исконной веры, их традиций и Традиции с большой буквы. Судя по всему, разработчиков

документа это волнует мало. Напрасно. Ведь стоит с этой позиции немного вдуматься в то, что в нем написано, и ясной как день становится нелепость огульного призыва к «укреплению согласия и взаимообогащения различных культур и религий». Никогда в истории такое «согласие и взаимообогащение» не было и не будет абсолютным благом. Русская культура никогда не будет стремиться к «согласию и взаимообогащению» с панк-культурой или культурой эмо. Диалог православия и ислама способствует их взаимообогащению, и в миру православные и мусульмане должны жить в согласии, но с вероисповедной точки зрения пределы согласия между ними очевидны, и разговоры о его «укреплении» звучат, как минимум, формально. И уж совершенно точно ни православие, ни ислам не будут стремиться к согласию с какими-нибудь анимистскими культурами или человеконенавистническими религиозными сектами, число которых под разговоры о свободе совести в современном мире множится. Уверен также, что у любого человека русской культуры, пусть даже и не фиксирующего свою религиозную принадлежность, все больше вопросов вызывает сегодня целесообразность установки на «создание единого гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана». С кем его строить — с теми, которые насаждают разрушительный для человеческой цивилизации содомский грех в Европе и «из гуманизма» пытаются навязать его и нашему народу? Авторы Концепции, наверное, неудачно пошутили, заявив, что «глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение». Гитлеровская Германия завоевывала нашу страну и уничтожа-

Нацистский плакат: «Одна кровь, один долг, одна честь»

Авторы Концепции, наверное, неудачно пошутили, заявив, что «глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение». Гитлеровская Германия завоевывала нашу страну и уничтожала наш народ именно в рамках установки на победу «высшей цивилизации» над «низшей».

ла наш народ именно в рамках установки на победу «высшей цивилизации» над «низшей». Когда России предложили в конце XX века «вернуться в цивилизованный мир», это было нечто из той же оперы,

хотя и не столь варварски сформулированное и осуществленное. Надо обладать каким-то окаменелым бесчувствием, чтобы этого не то чтобы не понимать разумом, а не ощущать своим националь-

ным нутром. Но что об этом говорить, когда авторы Концепции, констатируя «культурно-цивилизационное многообразие современного мира» и «стремление народов вернуться к своим цивилизационным корням», одновременно заявляют: «Глобальная конкуренция <...> выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития *в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики* (курсив мой. — М.Д.)». Зачем заявлять, что «попытки навязывания другим собственной шкалы ценностей чреватy усилением ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах», говорить о сокращающихся возможностях исторического Запада доминировать и отмечать смещение мирового потенциала силы и развития на Восток, если при этом ты одновременно фактически утверждаешь западoцентричную модель будущего нашей планеты? Получается, что значение «мягкой силы» и информационного воздействия для достижения политических целей в современном мире МИД и руководство нашей страны осознали, но от результатов такой идеологической обработки в последние 20–25 лет избавиться пока не в состоянии.

Кстати, к вопросу о присутствии идеологии (что такое «ценностные ориентиры», как не идеология?) в мировой политике. В Концепции говорится о некоей «обозначающей тенденции реидеологизации международных отношений», которая «негативно влияет на перспективы укрепления глобальной стабильности». Неужели в МИДе России, других ведомствах, задействованных в осуществлении внешней политики нашей страны, есть люди, которые считают, что в некий предыдущий период (10, 20, 25

лет) идеологии в мировой политике не было? Все крупные страны всегда руководствовались, руководствуются и будут руководствоваться в международной деятельности своей системой ценностей — политических, моральных, культурных. Те, которые сильнее, будут стремиться навязывать эту систему другим, а то и всему миру. Те, которые слабее, станут пытаться сохранять свою систему ценностей. Даже такие очевидные сателлиты США и нахлебники Европейского союза, как прибалтийские страны, выступая в мировых делах в фарватере своих патронов, сохраняют и реализуют в своей внешней политике те или иные собственные идеологические установки, порой отличные от американских и западноевропейских. Даже наша страна, даже в ельцинский период так или иначе сохраняла свои «ценностные ориентиры» в силу положительного исторического заряда предыдущих форм русской цивилизации. Сам же по себе тезис о деидеологизации, нашедший свое отражение и в современной Конституции России, сыграл деструктивную роль в обеспечении способности нашей страны занимать самостоятельную позицию по вопросам, от которых зависит ее безопасность в самых разных областях — культурной, информационной, политической, экономической, военной. Сегодня такую же роль может сыграть тезис о вреде «реидеологизации». Задача не в том, чтобы настаивать на возврате к химере деидеологизации, а в том, чтобы *быть готовым вести идеологическую борьбу за национальные интересы России*. Для этого, естественно, надо обладать своей суверенной системой духовных, культурных, политических и нравственных ценностей, опираясь на которую только и можно нести «возрос-

шую ответственность за формирование международной повестки дня и основ международной системы».

Тезис о вреде «реидеологизации» наводит еще на одну мысль. Если в российской внешней политике нет никакой идеологии, то зачем тогда в сугубо профессиональном внешнеполитическом документе присутствуют многократные идеологические заклинания об «универсальности принципов демократии и рыночной экономики», о «единстве правового и гуманитарного пространства европейского континента», о приверженности обеспечению прав и свобод человека, о том, что внешняя политика России призвана «создавать благоприятные условия для реализации исторического выбора народов Российской Федерации в пользу правового государства, демократического общества, социально ориентированной рыночной экономики»? Приведу в связи с этим некоторые цифры. Сегодня важными для страны в целом считают демократию и права человека 12 процентов граждан России, а для себя лично — 9 процентов. Положительно относятся к переходу к рыночной экономике в принципе только 40 процентов граждан России, а к результатам этого перехода в нашей стране — гораздо меньше. Поддерживают идею сближения с Западом, вхождения России в «общеевропейский дом» 7 процентов россиян. Все это меньше, чем число тех, которые в советское время разделяли коммунистические идеалы, поддерживали существовавший социально-экономический и общественный строй и стояли на позициях суверенитета СССР и его ответственности за судьбы мира. А ведь о том, что население СССР было идеологически индоктринирован-

ным, сегодня твердит каждый второй из радетелей за «европейский выбор». Так все-таки о чем историческом выборе и зачем говорится в ключительной фразе Концепции?

Еще в 60-е годы XIX века русский философ Николай Страхов призывал Россию и русских не обманываться относительно возможности быть причисленными к западной «заповедной семье». Важно, писал он, сохранять свое стремление к самобытному развитию, а внешним противникам показать, что с ними «соперничает не азиатское государство, а другая цивилизация, более крепкая и твердая, наша русская цивилизация (курсив мой. — М.Д.)». К нему тогда не прислушались. К сожалению, и сегодня такая установка не в чести, хотя всем, вроде бы, очевидно: одних лишь заявлений, что мы отказываемся от роли второго плана в глобальном либеральном проекте, недостаточно, как недостаточно просто укреплять экономическую и оборонную мощь и формально понимаемую политическую стабильность, — надо реально иметь свой цивилизационный проект, демонстрировать, что мы действительно самостоятельная нация. Причем в современном мире — и деятельность «Группы двадцати» тому характерное свидетельство — целостная субъектность необходима России не только в отношениях с Западом, который сам эту субъектность в правильном понимании все более теряет, но в возрастающей степени — в отношениях с набирающими мощь Востоком и Югом. И если кто-то рассчитывает, что ему удастся создать такую субъектность без опоры на наше самобытное народное начало, именно на русский дух с его особой устремленностью к самостоятельной жизни, он глубоко ошибается.